

НИКОЛАЙ БОЛОНИН
ТОВАРИЩ КАПИТАН
ЧАСТЬ 1
ТАЁЖНАЯ ЗАСТАВА

Николай Болонин

Товарищ капитан. Часть
1. Таёжная застава

«Де'Либри»

2026

Болонин Н.

Товарищ капитан. Часть 1. Таёжная застава / Н. Болонин —
«Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3144-7

Поздний СССР времен Горби, линейное подразделение Внутренних Войск на бывшем БАМе сталинских времен, в царские времена бывшее лютой ссылкой. Руководство не нашло ничего лучшего, как устроить военный городок на месте концлагеря для японских военнопленных, наверное от этого и сыпятся все беды? Развал страны коснулся всех и каждого, ослабили законы, исчезающе мала поддержка государства, мораль упала на уровень скотного двора. Все ветшает и сыпется, а солдат – имущество казенное и сам о себе позаботиться не может. Надежда только на себя, да на Господа Бога. Поможет или нет?

ISBN 978-5-4491-3144-7

© Болонин Н., 2026

© Де'Либри, 2026

Содержание

Глава 1. Застава	5
Глава 2. Гнилое наследство	13
Глава 3. Процесс пошел	23
Глава 4. Старатели	29
Глава 5. Рэкет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Болонин

Товарищ капитан. Часть 1. Таёжная застава

Глава 1. Застава

1

– Вон туда пойдешь, внизу и увидишь свою часть.

– Ага, понял, спасибо! – старший лейтенант снял пропотевший китель, повесил через руку и, подхватив дипломат, вылез из горячей «буханки». Стояла удушающая жара, все живое давно попряталось в тень. Поправив тяжелую фуражку и прищурившись от солнышка, офицер пошел в указанном направлении. Поселок по местным меркам был немаленький, но рейсовые автобусы почему-то не ходили и народ передвигался в основном на своих двоих. Повезло, что капитан милиции отправлял кого-то в Хабаровск и любезно согласился подкинуть его до поселка, растолковав, куда идти.

Дерево, дерево... почти все здесь было из почерневшего от времени и непогоды дерева. Не все... поправил себя старший лейтенант, энергично поднимая пыль, милиция вон кирпичная, шикарная двухэтажная больница, Еще поселок был обсажен громадными тенистыми тополями. Лет сорок назад, их насажали с избытком. Поселок представлял собой помесь двухэтажных и частных домов, отгороженных от улицы высокими заборами и заборчиками с голосистыми собаками. Одна странность, бродячих собак на улицах не было, зато полным-полно шло корейцев, от которых местные Жучки и Бобики удирали, поджав хвосты. Старлей остановился и, достав носовой платок, промокнул пот. Выругался. Буквально несколько дней назад он служил совсем в другом подразделении и был заурядным заместителем начальника заставы. Скучал, в общем, на старом месте товарищ старший лейтенант и все чего-то ему хотелось. А хотелось ему ни больше не меньше, как стать начальником заставы! Об этом разве что только ленивый не мечтает. Тем более все сокурсники, кому вместе с ним посчастливилось попасть на БАМ или Транссиб, давно ходили в начальниках или уже побывали ими. Но вот не везло старшему лейтенанту!

Дабы не вводить в заблуждение, стоит пояснить, что речь идет не о погранвойсках, а о внутренних. Большинству сограждан, знакомых с аббревиатурой ВВ, сразу почему-то вспоминается лай караульных собак, колючая проволока и свет рысущих в темноте прожекторов. Заборы, бараки, неволя... Когда-то все это называлось конвойными частями. Так вот, не довелось лейтенанту послужить ни в конвое, ни в охране сверхсекретного, помеченного на картах вероятного противника завода, предназначенного к уничтожению ядерным ударом в наипервейшую очередь. Охрана особо важных государственных объектов, будь то оборонный или золотой завод, АЭС или закрытый НИИ, работающий на оборонку, – тоже ВВ. Есть еще, правда, оперативные части, но это разговор особый, и речь о них пойдет потом. В общем, загремел лейтенант на БАМ, и очень даже здесь ему спервоначалу нравилось.

Кажется, пришел. Военный городок расположился в глубокой котловине и даже на первый взгляд радости не вызывал. Замусоренная территория, разбитые окна кое-как заколочены серой фанерой. Входные полуоторванные двери, металлические ворота городка, распахнутые настежь, сломаны и, похоже, давно вросли в грунт. Не хватало криво приколоченной вывески: «Все ушли на фронт». Попал... Старший лейтенант встал, разглядывая сверху доставшееся в наследство хозяйство.

– Ну, что тебе сказать, – ведавший в дивизии кадрами и назначениями пожилой подполковник с честным лицом в глаза старался не глядеть и задумчиво крутил ручку. – Капитана ты сколько переходил, год? Всего лишь? Приказ, комдив прямо сегодня подпишет. Офицеров тебе хороших на заставу подберем, сержантов толковых подкинем... годик-другой послужишь и дальше пойдешь! – подполковник поднял настороженные глаза и вкрадчиво улыбнулся. – Сейчас к комдиву сходим, представлю тебя на начальника заставы и в добрый путь, как говорится.

– В добрый путь... – старший лейтенант нехорошо выругался и, горестно вздохнув, надел китель и стал осторожно спускаться по крутой тропинке. Еще у себя он краем уха слышал про эту чудо-заставу, поговаривали, что с норовом подразделение. В ядре части намекнули более определенно, многие, мол, отказались от этой почетной должности. И только в дивизии в курилке ему тихонько пояснили, что начальник кадрового отдела был просто в отчаянии, пока не нашел... – тут собеседник сочувственно ухмыльнулся и посоветовал бежать отсюда прямо сейчас обратно на поезд.

Давно заколоченная будка КПП пустовала. Давным-давно здесь был порядок, об этом говорили поваленные бордюры, затоптанные до бетонной крепости цветочные клумбы, от которых остались оградки, опрокинутые ржавые урны. Старшего лейтенанта передернуло, погром, как Батый прошел, Входная дверь со скрипом отворилась и захлопнулась, пропустив его внутрь. Большая двухэтажная казарма встретила прохладной и гулкой пустотой. Высокие потолки с пластинами полуотвалившейся побелки, облупленные стены, крашенные ядовито-синей краской, какой обычно мажут окна в школьных и общественных туалетах, все носило печать запустения и упадка.

Офицер снял фуражку, провел рукой по вспотевшим, коротко стриженным волосам и оттянул резинку форменного галстука. Жарко. На его приход никто не реагировал. Офицер кашлянул. Тишина. Как вымерли все. Кажется, тут можно проторчать до самого вечера.

– Дневальный, есть тут кто живой?

И опять ничто не всколыхнуло застоявшуюся тишину темного коридора, частой звонкой капли в солдатском умывальнике. Только где-то наверху негромко бубнили голоса. Старший лейтенант постоял еще немного у пустого поста дневального, дернул замки комнаты хранения оружия. Хорошо хоть оружие заперто. Выудив из дипломата, затянул портупею и одернул китель. Решительно шагнул на лестницу. Грязь, мусор на лестнице, темный коридор закончился в светлом и просторном спальном помещении. Над входом висела прибитая подставка для телевизора, вот он-то и бубнил. В помещении стояло несколько рядов кроватей, разделенных широким проходом для построений. Кровати стояли кое-как, несколько штук были вытянуты в проход, и на них, задрав ноги на спинки, валялись несколько солдат в расстегнутых кителях и майках.

– Здорóво, – хмыкнул старший лейтенант, заложив руки за спину.

Солдаты не шевелились, внимательно разглядывая незнакомого офицера.

– Старший какой-то... ты кто? – спросил один, приподнимаясь на локте.

– Я? Да так, начальник ваш новый. А ты, что, имеешь что-то против?

– Я? Я нет, – ухмыльнулся задавший первый вопрос солдат-узбек.

– Ище один, – проворчал другой солдат, садясь на заскрипевшей сетке. Среди лежавших не было ни одного славянского лица.

– А если нет, тогда встали с кроватей и вышли строиться.

– Зачем?

– Ну, что за глупые вопросы? Я же должен вам представиться, поглядеть на вас? Должен! И вы должны поглядеть на меня. Так что давай на улицу, и остальных позвать.

Солдаты нехотя поднялись, застегиваясь и надевая кители, доставая пилюльки и натягивая на заросшие шевелюры.

– А остальные где?

– Кито гиде, – словоохотливо пояснил самый говорливый и задававший вопросы смуглый солдат.

– А дневальный где?

– Сипать, наверное, ушел, они всю неделю дежурят.

– Неделю? Они, что, не меняются совсем?

– Ааа, – разочарованно махнул рукой солдат. – Сам увидишь, тут пипец полный.

– Старший лейтенант хмыкнул. Он не обижался на панибратство, это были цветочки и было даже забавно. Застава была неуправляема. Сбившиеся в банду азиаты и кавказцы терроризировали всех. Избит прежний начальник заставы, получил в морду его заместитель, венцом «художественной самодеятельности» было повешение молодого солдата, которое прибывшая высокая комиссия списала на самоубийство. Не все так просто было в королевстве Датском... Специальную дивизию по охране БАМа прозвали питомником генералов, и потому всяческих ЧП там не было и не могло быть.

Новый комдив, полковник решительного вида, звание генерала было вот-вот на подходе, был оживлен удачной находкой и, предложив сесть, живо поинтересовался, есть ли семья. Старший лейтенант не стал позорно удирать, как советовали более опытные и старшие товарищи, и дождался неприятностей. Убито кивнул головой. Семья была.

– А чего приуныл, старший лейтенант? – кадровик и комдив с досадой переглянулись. – Наговорил, что ли, кто чего? Не переживай! – энергично заявил полковник и выставил палец. – Специально для тебя.

– Для меня? – растерянno привстал старлей.

Полковник снисходительно улыбнулся.

– Ты меня не так понял, за твоей заставой я зарезервирую два места на гарнизонной гауптвахте. Все понял?

А чего тут было не понять. Этим самым ему ясно дали понять – сор из избы не выносить и обходиться только своими силами.

– С полгодика послужишь, порядок наведешь, глядишь, я тебя начальником штаба поставлю. – Кадровик стоял рядом и, приторно улыбаясь, энергично кивал головой.

На замусоренном плацу выстроились две жиденькие шеренги. Солдаты одеты кто во что горазд. Хлопчатобумажные и полушерстяные бриджи, брюки с парадной формы, несколько человек стояло в черных спецовочных штанах, в каких ходили по поселку корейцы. Тапки, кеды, кирзачи, парадные ботинки... – лица солдат грязны, смотрят недоверчиво и исподлбья. Впрочем, нет, здоровенный младший сержант в чистом и аккуратном обмундировании, рядом стоял еще один рослый солдат южно-русской наружности и крепкий азербайджанец. Выделявшаяся троика стояла сама по себе, отделившись от остальных. Хулиганье стояло посередине, плотно сбившись в стаю. Настороженные лица и прищуренные глаза. И в конце, на левом фланге, стояли самые слабые и презираемые солдаты. Старший лейтенант подождал, когда из казармы выбегут последние несколько человек, и нетерпеливо поправил фуражку. Значительно припекало. – Итак, товарищи солдаты и сержанты, я ваш новый начальник заставы, старший лейтенант Трофимов Анатолий Иванович! Двадцать восемь лет, женат, занимал ранее должности командира взвода и замначальника заставы по боевой подготовке. Ныне вот назначили к вам, так что будем служить теперь вместе. – Развел руками. – Вопросы?

– Вы третий за год будете, – ехидно заметил кто-то из строя. – Бог любит троицу.

– Еще вопросы? – Строй молчал, с любопытством разглядывая нового командира. – Если вопросов нет, ваша фамилия, товарищ младший сержант?

– Младший сержант Соломатин, товарищ старший лейтенант!

– Товарищ младший сержант, назначаетесь дежурным. Прямо сейчас назначьте наряд и вечером заступаете. Где старый дежурный, кто знает?

Старый дежурный показался на невысоком каменном крыльце, сонно жмурясь и потягиваясь.

– Личному составу навести в казарме порядок, расставить по местам кровати и подобрать мусор. Р-разойдись!

2

– Пипец какой-то, – Трофимов сидел в радиорубке штаба батальона и нервными толчками докуривал третью сигарету.

– Чаю еще? – пододвинул вскипяченный чайник худенький сержантик-радист, старший узла связи.

Старший лейтенант долил в кружку кирпичного цвета напиток и вытащил из кулька карамельку.

– Угощайтесь, – пододвинул солдатам кулек с печеньем.

Из радиомастерской вылез что-то паявший второй радист и, не чинясь, запустил руку.

– Иевлев, ты мне скажи, в этом гадюшнике хоть какой-нибудь порядок когда-нибудь был?

– Был, товарищ старший лейтенант. Говорят все началось, когда новый начальник заставы пришел, а потом комбат сменился, ну, и покатилося все. А вас, глядите-ка, уважают, – в широкое окно забранное плотной тяжелой шторой, была видна казарма и несколько оборванных фигур подбирающих мусор.

– А где комбата найти или кого-нибудь из начальства? – до того, как обнаружить уютный пост, Трофимов долго торкался по дверям с табличками «Командир батальона», «Начальник штаба», «Зам по политическому воспитанию», «Зам по тылу» – кругом лежала густая девственная пыль и протоптанная дорожка к двери «Делопроизводство» и к этому вот самому БП.

– Офицеры штаба в квартирах, а комбат в основном в поселке пропадает. Сюда редко кто заглядывает, – сержантик взглянул на настенные часы. – Обед заканчивается, должны женщины подойти. Может, они что знают?

– Что за женщины?

– Лена, батальонный делопроизводитель, и Инна, фельдшер батальона.

В пустынном коридоре гулко зацокали женские шпильки. Трофимов поднялся.

– Пойду, может, узнаю чего.

В небольшом кабинетике было уютно. Светлые простенькие обои, подметенный пол, шкаф с документами и канцелярский стол с пишмашинкой. И две молодые женщины. Дамы держались сухо, с откровенным любопытством и неприязнью разглядывая незнакомого офицера. Трофимов вполглаза мазнул по фигуркам, затянутым в служебное хаки. Ничего.

– Здравствуйте.

– Ты новый начальник заставы?

Одно дело полуграмотные солдаты и совсем другое зрелые женщины. Тем более у одной краснели нашивки сержанта, у другой были погоны прапорщика. Это «ты» с бесцеремонным пренебрежительным разглядыванием неприятно задело, и Трофимов взглянул более внимательно. Лица излишне наштукатурены, а ресницы вообще как сажей намазаны, рожи наглые и самодовольные. Симпатия съежилась. На «ты» со старшими можно разговаривать с их разрешения или после совместных дел. С этими женщинами он ничего не имел и даже не собирался. И вообще, судя по всему, совместных дел даже не предвиделось. Трофимов сдержал резкость. Ссориться было слишком рано.

– Да, я новый начальник заставы, девушки.

Женщины резко и неприязненно рассмеялись.

– Девушки!? А ты не слишком ли стараешься, а?

– Да как можно, – Трофимов через силу улыбнулся и развел в восхищении руки. – Ах, какие девушки!

Женщины опять засмеялись. В этот раз смех был более естественный. Ломаться надоело.

– Где мне местное начальство найти?

– А тебя, что, никто не встретил? Значит, не ждали еще. В среднем подъезде в девятой квартире новый замполит батальона живет, там можно все узнать. А комбат, – женщина с нашивками сержанта набрала номер телефона. – Алло, Ашот? Давай подъезжай, тут твой новый начальник заставы появился.

Все тот же милицейский уазик миновал настежь распахнутые сломанные ворота. Из машины выпрыгнул щуплый майор в щегольской фуражке.

– А, это ты, ну пошли, введу в курс дела. – Майор был азербайджанец, бакинец, говорил чисто и без характерного для торгашей акцента. До назначения на батальон занимал штабную должность в полку, неплохо с ней справлялся и как перспективный офицер был выдвинут на повышение. Но майору не повезло. Батальон, охранявший соединительную ветку БАМ – Транссиб, недавно передали из другой дивизии, и до этого акта сюда сплавляли все по принципу «на, те, боже, что нам не гоже»! Слабые офицеры, плохо управляемые солдаты, замятые ЧП и отвратительное снабжение, в общем, это был дурно пахнущий «букет». Вдобавок майор Мамедов был мягковатым человеком, не имел специфического опыта работы с людьми и не уделял должного внимания физической подготовке. И когда попытался поставить хамов «по уставу», был избит ими прямо в кабинете. С этого момента майор внутренне сломался. Жаль. Майор Мамедов был неплохим человеком. – Вечером соберутся остальные офицеры, представим, как положено.

– Уже.

– Что уже?

– Я уже сам личному составу представился. С офицерами на заставе.

– Комбат промолчал и, открыв кабинет, бросил шикарный аэродром на стол и завалился в кресло.

– Присаживайся.

Трофимов сел за приставной стол.

– Пятьдесят грамм? – из открытого сейфа появилась початая бутылка коньяку.

Трофимов утвердительно кивнул.

– Так вот, – жопа батальон, зря ты согласился. Небось, академию и прочее наобещали?!

– Угу.

– Так вот, забудь. Но попытайся. У меня, как видишь, ничего не получилось. Завтра начинай принимать дела у Гольдмана, но, смотри, парень склизкий, у него шуры-муры с зам по тылу были, я тебя предупредил. Из взводных у тебя один старлей, Такшеев, бывший начальник заставы. Из перспективных был, но там у него что-то с женой не сложилось, увольняться хочет, на все хрен положил. Замполита у тебя тоже пока нет, нашли в другой части залетчика из бывших замкомбатов, в общем, тоже не подарок парень. Кто у тебя реально есть, это старшина Марков. Мужик серьезный, но зашуганный. Сейчас, правда, на больничном.

– А что с ним?

Комбат шелкнул по горлу.

– В бурятию уехал.

– Вот, блин, и надолго он туда ездит?

– Не очень. За ним и присмотра в общем-то не было никакого. Может, возьмешь в руки, смотри, в общем, сам.

Трофимов приуныл. Подставил рюмку под дружелюбно булькнувшее горлышко.

– Дела... а, может, того, задний ход отработать и на службу не выходить? Ультиматум выдвинуть – хочу обратно на старое место!

– Бесполезно, ты сейчас как смертник, или-или. Я тут тебе помог маленько, чем смог, пару законченных отморозков убрал, так что должно потише быть. Так что дерзай, старлей!

– Спасибо, товарищ майор.

– Да, на батальонных не надейся особо. Если только новый замполит, недавно перевели, перед тобой неделю как приехал. Ну, мне, если что, звякнешь вот по этому телефону, случись что серьезное. А так, все! На себя надейся, старлей! На себя! Еще будешь?

– Нет, спасибо.

– Ну, бывай. Извини, дела. – Комбат уже накручивал трубку телефона и приветливо кивнул большим носом. В голове слегка шумело. Комбатовский коньяк приятно разливался по жилам.

3

– Дижурный по заставе на виходь! – заголосил появившийся на посту дневальный. В темном коридоре появилось светлое пятно, в открывшейся двери появился щеголеватый одетый ефрейтор с красной повязкой на рукаве. – Ефрейтор Сабиров, товарищ старший лейтенант!

– Ты кто?

– Я старшине помогаю.

– Кладовщик, стал быть?

– Так тошно! – Ефрейтор был таджик, говорил с легким акцентом и слегка морщил лоб, когда забывал нужное слово. В кладовке был полумрак и прохлада. Боковые стеллажи зашторены аккуратными занавесками. Прислоненная гладко оструганная лестница. Заваленный папками письменный стол с настольной лампой и зеленым абажуром. Чистый пол, бирки на стопках имущества. Хоть где-то порядок! Трофимов повеселел. Глянул в не по-таджикски веснушечное, открытое лицо. – Как звать-то?

– Ефрейтор Сабиров, товарищ старший лейтенант!

– Тьфу! Я знаю, что ты ефрейтор Сабиров, имя-то у тебя есть?!

– Так тошно. Фарид.

– Хорошо, Фарид. Пошли кого-нибудь за моим чемоданом, у радистов стоит.

– Так тошно. – Солдат переминался на месте, просительно глядя на развалившегося в кресле офицера.

– Ты чего, Фарид?

– Товарищ старший лейтенант, а запереть.

Трофимов рассмеялся.

– Сабиров, я ваш новый начальник заставы и отвечаю за все, что здесь есть! Ты понял?!

– Так тошно, – ефрейтор опустил недоверчивый взгляд и нехотя вышел, прикрыв тяжелую металлическую дверь. Отчетливо щелкнул замок.

Тьфу, запер, мля, упертый! Трофимов рассмеялся и раскрыл раскладку. Если в списках и журналах учета могут быть неточности по наличию людей, то в месячной продуктовой раскладке скрупулезно отмечается каждый прибывший-убывший человек. Приезжает переведенный на новое место службы солдат, с ним обязательно продовольственный аттестат. Уезжает, обязательно выписывается новый, с какого числа снят с довольствия. Будет старшина небрежно вести, такая недостача вылезет, а это деньги! Так что у старшины учет самый точный. – Сорок один, сорок два. Сорок две души в его подчинении. Три служебно-сторожевых собаки и три автомашины. Две заставских и одна батальонная, КРАЗ для развозки угля по заставам. Кроме того, на балансе заставы числится двухэтажная казарма силикатного кирпича вместимостью шестьдесят человек, банно-прачечный узел с тремя неработающими машинками, 24-квартирный дом офицерского состава, сухая, как Сахара, бензоколонка, продсклад, теплый гараж на

восемь машин – ответственности, короче. Было б жалование такое! Замок щелкнул, и в дверях показался ефрейтор с огромным чемоданом из черного кожаменителя.

– Сабилов, – Трофимов сделал вид, что ничего не заметил, – а почему утром на посту дневального никого не было? Вы что, по несколько суток дежурите?

– Нет. Товарищ прапорщик заболел, назначать некому было.

– А старый начальник заставы?

– Солдат пожал плечами.

– Понятно. – У старшего лейтенанта накопилось множество вопросов, но каптер банально пожимал плечами, выдавая односложные ответы, и кротко глядел темными глазами. – Понятно, – еще раз тяжело вздохнул Трофимов. Солдат его не воспринимал как начальника. В его понимании он был одним из офицеров, быстро менявшихся на заставе. Никто и звать никак.

Близился вечер. В семнадцать ноль-ноль во всех частях проводится развод и смена дежурной службы, будь то затерянная в тайге точка наподобие этой заставы или полнокровная мотострелковая дивизия. Трофимов ходил вдоль куцей шеренги дежурного наряда и нового караула. Сержанты в строю выглядели прилично. На солдатах тоже вместо тапочек и кед были уставные кирзачи, густо намазанные ваксой. У некоторых рядовых белела даже подшива, некоторые были даже побриты. Видно, готовились люди.

– Соломатин, в который раз заступаешь?

– Пятый, товарищ старший лейтенант!

– Значит, тоже недавно. Вечерняя поверка тут хоть проводится?

Младший сержант неопределенно пожал плечами. В строю раздался легкий смех.

– Сами увидите.

– А почему караул без оружия?

– Так ведь, это, ключи у старшины. Мы комнату хранения оружия не проверяем, печати и замки принимаем.

– Пипец, а как же тогда вы мост под охрану принимаете, с палками, что ли, охраняете его?!

Смех стал сильнее.

– До моста шесть километров, если машины нет, пешком ходим и там оружие принимаем.

– А сегодня с машиной как?

– Бензина нет. Пешком.

Трофимов еще раз тяжело вздохнул.

– Ладно, сегодня давайте как всегда, а завтра посмотрим.

4

В солдатской столовой был гнетущий полумрак. Из четырех светильников работал только один. Стены в лохмах старинных обоев, проваленный в одном углу пол, колченогие четырехместные столы с инвалидам-стульями, грязные окна с засаленными и пропыленными шторами. Трофимов уже устал чему-либо удивляться. Стоя у двери, смотрел, как десятка полтора солдат, взяв пару больших алюминиевых чайников, разливают по кружкам жидкий чай. Белый хлеб и какая-то масса в бачке, до которой никто не дотронулся.

– Повар, что у нас сегодня на ужин?

В широком раздаточном окне показался бледный солдат в грязном нижнем белье, заменяющем поварские одежды. На кухне помимо него хозяйничало еще несколько человек. – Сечка, товарищ старший лейтенант, чай с белым хлебом.

– А где мясо или рыба, консервы на худой конец?

Повар молчал.

– А это кто там? – наконец узрел Трофимов тройку солдат, жаривших на плите что-то своё, родное.

– Это сами себе готовят.

– Товарищи, това-ри-щи! – Трофимов оперся на раздатку и прыжком сел, перекинув ноги внутрь. – Свалили отсюда.

Солдаты молчали, разглядывая сидящего на перегородке офицера. Средний рост. Усиленное занятие с тяжестями позволило развить плечевую мускулатуру, а тренировки по модному в ту пору карате делали просьбы более тяжелыми и убедительными. Готов ли был старлей перейти к грубому нарушению уставных взаимоотношений? Ответ положительный. Старший лейтенант был готов к мгновенному нанесению средних и тяжелых телесных повреждений. Что-то пробурчав, троица прихватила сковороду и удалилась на улицу. Отнимать было рановато, и Трофимов спрыгнул обратно. Широко улыбнулся настороженно глядевшим солдатам.

– Просьба потерпеть. Завтрак, обед и ужин скоро будут в полнейшем порядке. Я на контроле. Я теперь всегда буду на контроле.

На улице окончательно стемнело. Всю небольшую территорию, огороженную полусгнившим горбылем, освещало два фонаря. В жарком сумраке трещали кузнечики, уютно подмигивал окнами двухэтажный жилой дом. В военном городке же... Трофимов тяжело вздохнул, глядя на мрачные, темные окна штаба, котельной, тусклые блики казармы... Всем этим руинам еще только предстоит стать военным городком.

Послышался пьяный смех, кто-то громко доказывал, что надо, мол, потолковать. Из-за дома вывернулась пьяная парочка, шатаясь, прошла в ворота, направляясь к казарме.

– Стоять! – Трофимов спустился вниз и встал, расставив ноги.

– Ты кто?! – пара гражданских парней удивленно разглядывала невесть как оказавшегося перед ними офицера.

– Я? Я начальник заставы. Кто вам разрешал заходить на территорию воинской части?

– Слышь, Андрюх, а здесь воинская часть, оказывается, гы-гы-гы!

– Выйдите отсюда.

– Чё, ты кто такой?

Трофимов затылком ощущал, как наблюдают за ним из окон казармы. Парни хоть и молодые, а силы у них. Трофимов без труда сорвал захват и резко поднял вверх захваченную и выпрямленную руку. – Ой, – один обрушился на колени, а второй попятился, растерянно глядя на него. Подняв юнца, Трофимов толкнул в зашей. – Еще раз увижу, пристрелю, как собак.

– Да ладно, у тебя и оружия то нет, – пара попятилась к воротам и скрылась. Раздался свист и из темноты вылетел булыжник. – Да мы тя еще поймаем.

– Убью, нах! – громко затопал Трофимов, слыша, как панически затопали торопливые и неверные шаги.

– Дежурный по заставе.

– Не кричи, отбой уже, – прервал доклад Трофимов, хотя спать еще никто, похоже, не ложился. В туалете в синих трусах и майках кучкой курили авторитеты. Молча смотрели, как тот вытащил сигареты. – Прикуривайте, товарищ старший лейтенант! – разом вспыхнуло несколько спичек. – Спасибо. – Трофимов затянулся и подмигнул. – Докуривайте и спать! Всем спать, я на контроле.

Глава 2. Гнилое наследство

1

– Застава, подъем! Подъем, застава! – Трофимов ходил вдоль кроватей и сдергивал одеяла. В окна лился яркий утренний свет. Солдаты недовольно брюзжали, садились, как старики, и медленно-медленно натягивали форму. Трофимов не торопился, боясь «сорвать резьбу», подчиненные давным-давно отвыкли от подобных требований. – А ты, хер с бугра, чего не встаешь? – в кроватях лежало несколько человек из стаи отмороженных, но Трофимов выбрал одного, авторитетного.

– Иди ты, – хмуро пробурчал солдат, закрываясь сорванным одеялом и поворачиваясь на бок.

– Куда? Тебе бы тоже не мешало «а-а» или «пи-пи» сделать! Или ты в кровать это уже наделал, засранец? Подъем, я сказал! – Нога, обутая в хромовый сапог, пнула кровать. Солдат не реагировал. Трофимов сорвал одеяло и выдернул матрац. В строю раздались смешки. Отморозок лежал на голой сетке и делал вид, что спит. – На тебя насрать что ль, подъем, я сказал!!! – рявкнул Трофимов, и что-то вздумавший сдерзить отморозок закрыл рот, молча встал и стал одеваться. – А вы... – но другие уже встали и, не спеша, показывая что не очень-то они его и боятся, медленно одевались. – В следующий раз я кому-нибудь под одеяло взрывпакет засуну, чтоб яйца оторвало, и они вместо лампочек на люстре мотались! Быстро!!! – еще раз рявкнул старлей, показывая среднюю, пока еще контролируемую степень бешенства. Круглыми глазами оглядел подравнявшийся строй. – Вниз, строиться на улице!

Поддувал легкий ветерок, личный состав оправился, но бегать никто не желал. Тридцать человек упрямо насупились и на команду «Бего-о-ом» никто не реагировал. Требовался подход.

– Парни, вы чё?! Я вас что, в задницу трахаться заставляю? Вот ты, советская военная угроза, почему бегать отказываешься? – Раздались первые смешки. Худенький солдатик растерянно заморгал глазками, посмотрел направо, налево. – Я тебя, тебя спрашиваю, рядовой.

– Рядовой Сухов.

– Сухов, мля, из «Белого солнца пустыни», что ль, сбежал?

Раздались смешки.

– Неа.

– Так в чем дело, солдат? Это же тебе надо, ты посмотри на свой обтянутый скелет, гроза бандитов, мой член и то толще. – Смех стал громче. Тощенький солдат зарозовел, но не сдавался. – Я еще жить хочу! Так ведь с утра и помереть можно. – Грохнул смех. – Да ла-адно, пробежимся кругалю, что б дерьмо быстрее вылетало, застава легким бегом, арш!

Трофимов не спешил, задавая неторопливый темп. Люди разогревались, входили в ритм, и вот уже вместо разнобоя зазвучал слитный шаг трех десятков человек, тридцать человек, как один, делали отмашку и одновременно ставили ногу. Тридцать человек одновременно вдохнули воздух, и так же в такт одновременно начинали биться сердца и идти мысли. Если смотреть со стороны, то вроде ничего особенного-то и не происходило, подумаешь, тридцать рыл в ногу несутся, эка невидаль! На самом деле три десятка разных людей пусть на короткое мгновение, но были объединены в одно целое. Тридцать человек бежали как один, подстраиваясь друг под друга, нет разнобоя, нет отстающих. Кажется, даже сил больше стало. За высокими заборами пустынной улицы заполошено брехали собаки, поворот, спуск. Круг был небольшой,

километра в полтора. В низине показались распахнутые ворота городка. – А теперь ускорение! Кто быстрее умывальник займет, вперёд! – Застава рванула, разбившись на брызги тел!

Спальное помещение ожило. Кто-то подшивался, кто чистил бляху под мерное бормотание телевизора. Под кроватями с тряпками возились назначенные уборщики, самые слабые солдаты. Порядок? Это был не порядок, но закручивать гайки требовалось осторожно. Пройдет несколько месяцев, уволится старший призыв, и эта вольница потускнеет, требования станут жестче. Из тех, кто помнит прежние порядки, к весне уволятся еще, и все станет как на остальных нормальных заставах, где слово начальника заставы – закон, и жизнь войдет в нормальные рамки. Конечно, будут срывы и ЧП, но это будут единичные случаи, а не норма, когда открыто попирается достоинство и справедливость.

2

Высокий и худой мужчина, одетый в ярко-синий тренировочный костюм, недоверчиво разглядывал мокрые полы, спующих солдат.

– Вы кто? – скорее для приличия спросил Трофимов, догадываясь, что перед ним старшина. От мужчины слегка пахло перегарчиком, но взгляд был ясным и осмысленным.

– Прапорщик Марков, – протянул руку мужчина.

Рукопожатие твердое, это хорошо.

– Пойдем вниз, в каптерку, потолковать надо, а то Фарид меня в кладовку не пускает и ключи от оружейки не дает, говорит, что все у тебя.

Старшина улыбнулся.

– Он такой.

– Ага, как собака преданный. Где такого нашел?!

Старшина сноровисто разбирался в документах, выкладывал черновики приёмно-передаточных. О недостатке не распространялся, говорил скупое, не вдаваясь в лишние подробности. Трофимов отложил бумаги.

– Ты на больничном до какого?

– Еще недельку, печень что-то.

– Кончай, старшина, приму должность и выходи. На заставе только ты и я. А где, кстати, Гольдман и Такшеев?

– Старый начальник в полку, списывает что можно. Сегодня-завтра приедет. А Такшеев вчера в квартире Гольдмана зависал. Тебе комбат не говорил, что ли, что он совсем на службу не выходит?

В двери постучали. Возник молодцеватый дежурный.

– Товарищ старший лейтенант, застава на завтрак построена. Разрешите заводить?

И без того выпуклые глаза старшин стали еще больше.

– Заводи. Пошли, старшина, посмотрим, чем ты людей кормишь.

Жрачка была так себе. Греча с консервированной рыбой, небольшие порции масла и сладкий, но крепкий чай. Но, судя по тому, как оживились бойцы, накинувшись на еду, это было более чем.

– Не балуешь ты людей, не балуешь, старшина.

– А за что? Было б так всегда, как сегодня. – Трофимов вышел из столовой. – Ну, так, давай, помогай!

На улице, на лавочке возле крыльца, сидел чрезмерно полный, аккуратно подстриженный и выбритый капитан. Борода а-ля мушкетер. Капитан встал и надменно изрек:

– После завтрака дашь солдат, на работу ехать надо.

– А ты кто? – спросил, не обращая внимания на закричавшего старшину, старлей.

Незнакомый капитан неприязненно скривился.

– Не ты, а вы! Я с тобой свиней не пас. Я зам по тылу батальона, капитан Онищенко. А людей мы выделяем согласно заключенного договора с местным колхозом. Так что выделяй людей и в следующий раз будь, пожалуйста, повнимательнее, когда разговариваешь со старшими.

– Да? – Трофимов нехорошо усмехнулся. Капитан собирался переводиться на Украину, откуда был родом, и напоследок хапал где можно и как можно. – Будут тебе люди.

– Не тебе, а вам!

– Тебе.

Капитан скривился и с достоинством пошел в штаб батальона. Обернулся.

– Люди знают кто должен ехать. Не забудь отправить.

– Зря вы так, – вполголоса заметил старшина.

– Как так? Не забывай, мне от него ничего не надо. Не нравлюсь, хоть сейчас чемодан запакую, пусть бежит, жалуется. А как у нас с машинами, старшина?

3

Машина тряслась и подпрыгивала. Разболтанный ГАЗ–53 с голубенькой кабиной вел пухлый солдатик. Трофимов пытался называть его сначала по фамилии, потом по имени и, наконец, плюнув, стал звать как все – Булочкой.

Поселок был не очень старый, времен БАМлага и первых сталинских трехлеток. По центральной улице тянулись почерневшие от времени двухэтажные дома, построенные еще пленными японцами. Ближе к лесу несколько улиц из аккуратных леспромхозовских брусовых домиков на два хозяина. Спускавшиеся с застроенной возвышенности окраины состояли из частных домов, построенных по мере таланта и финансовых возможностей хозяев. Дорога тоже спускалась вниз. По сторонам насыпи блестела марь. Самая непроходимая местность, оттаявшая на метр-полтора вечная мерзлота, глубокая грязь, залитая водой. Но можно нарваться и на бездонное болото, неразличимое среди кочек-бородавок, густо заросших ярко-зеленой осокой. Вдобавок ко всему здесь в невероятных количествах водились энцефалитные клещи, от которых погибла не одна экспедиция, прокладывавшая будущую трассу. Поворот, и через километр стоял полупустой городок железнодорожных войск, железнодорожная станция с контейнерной площадкой. Поселок окружала необозримая тайга, перечеркнутая ниткой железной дороги, петляющими лесовозными колеями. Холмы и распадки с неспешной текущей полноводной Тырмой. Вот через эту речку и охраняла застава железнодорожный мост, поставленный «врагами народа» еще в тридцатые годы. «Строил комбриг Иванов» – до сих пор можно найти выложенное камушками в укромном месте бетонной облицовки мостов послание. Впрочем, камушки давно выпали от постоянной встряски бегущих колес. Осталось только грустное напоминание из прошедших времен, напоминание о кровавом прошлом. Машина вошла в запретку, огороженную колючкой, проехала под мостом по выделенной ограждением дороге. Приткнулись к деревянным воротам, обтянутым все той же колючей проволокой.

– Приехали, товарищ старший лейтенант! – Мимо, рыча моторами и бросая густые выхлопы, проплывали груженные хлыстами лесовозы МАЗы. Густо клубилась поднятая пыль. Одна из машин, не сумев разминуться со встречной, задела хлыстом столб ограждения. Столб рухнул, накренив всю ограду. Многие столбы, уже не раз поваленные, ломаные-переломанные, косо стояли, заваленные булыжниками и подпертые пеньками.

– Ну и барда-ак. Булочка, это что, Корея все переломала?!

За рулем машин сидели корейцы. По договору с СССР братская Северная Корея заготавливала лес в необозримых закромах Родины. Пятьдесят один процент шел Старшему Брату и сорок девять Младшему. Учет вели местные леспромхозы.

– И чё делать в таких случаях, Булочка?

Солдат, не отвечая, вылез из кабины и показал пальцем на проезжавшего мимо нарушителя. Стоявший в приоткрытой половинке ворот сержант кивнул и крикнул назад кутившим на свежем воздухе солдатам. Система была отработана. Вооруженные солдаты надежно закупили проход, по которому ползли груженные машины.

– Вы начальник караула?

– Сержант Мажидов, товарищ старший лейтенант! – перед офицером стоял подтянутый сержант последнего года службы. Внимательный и насмешливый взгляд.

– Откуда, товарищ сержант?

– С Ташкента.

– Осенью увольняешься?

– Так тошно!

– Давно здесь?

– С самого начала.

– Значит, хлебнул?

Сержант еще раз затаенно усмехнулся.

– Было дело, товарищ старший лейтенант.

– Поможешь мне, сержант?

– Обязательно. – В темно-карих глазах плясали веселые чертики.

– А с этими обезьянами что делать?

Из-под моста доносились крики.

– Ничего, сейчас ихний начальник приедет, маленько поругаемся, они столб поправят и опять поедут.

– А если не останавливать?

– Пообещают и ничего делать не будут, пока опять всех не затормозят.

– Понятно, – сбил на затылок фуражку старлей. – Ну, пошли, показывай хозяйство.

Караульное помещение представляло собой стандартную караулку со всеми необходимыми помещениями. Угольная кочегарка, сушилка, комната отдыха – все портила огромная трещина. Трещина шла от фундамента через все здание напополам. Сквозь разошедшиеся плиты перекрытий и набросанный сверху толь и линолеум виднелось голубое небо. Фактически здание представляло гораздо большую угрозу, чем все вместе взятые нарушители за все время существования заставы. Бетонная крыша и внутренние стенки, подпертые все теми же жердями, вот-вот могли рухнуть.

– Ни фиги себе, – растерянно рассматривал лопнувший кирпич новый начальник.

– А если стянуть их? – сержант вздохнул.

– Уже...

Уже на улице Трофимов разглядывал металлические полосы, опоясывавшие караулку вместе с трещинами. Работы были проведены неграмотно, кое-как, и стальные полосы при весенней нагрузке просто съехали вниз. Здание упустили. Стянуть его обратно нечего было и думать. Для этого не было ни нужного оборудования, ни денег, ни желания.

– Мандец, товарищ старший лейтенант. Следующую зиму лучше в палатке жить.

Трофимов тяжело вздохнул. Сержант был прав.

– Пошли, мост покажешь.

Объект охраны, мост, ради чего они тут, собственно, и корячились, преодолевая вечные временные трудности, выглядел тоже, надо сказать, неважнецки. Стальные фермы с старинными заклепками, деревянные балки конструкций, стянутые ржавыми болтами, ходили ходуним и скрипели, когда, сбавив ход, очередной поезд медленно вползал на сооружение. Будки часовых были тоже так себе. Дерево было еще крепко, и стекла держались в полусгнивших рамах. Заросшая густой травой запретка, огороженная бетонными столбиками, была в наличии. Всё на месте.

– Пошли к машине, – закончил Трофимов осмотр вверенного ему имущества. Каблуки крошили гнилые шпалы, под ногами звенели выпавшие из-под рельс пластины и костыли. – Мля, как же тут поезда ездят?

Никто не ответил. Как-то ездят, и ладно.

4

– Итак, товарищи сержанты, – вдоль стены канцелярии стоял младший командный состав заставы, на коем все, собственно, и держалось. Вернее, должно было бы держаться. Из старослужащих был старший сержант Мажидов, выполнявший функции старшины, главного сержанта в подразделении. Еще были три сержанта годка – курносый Егоров, мягкий и исполнительный, которого и за сержанта-то никто не считал, и братья-близнецы Аскеровы. Казахи. Умные, начитанные и имевшие немаленький вес среди разношерстного заставского люда. Еще было три штуки младших сержантов. Щупленький азер Маджидов, крепкий, похожий на бычка кавказец Шароев и русак Соломатин. Сержанта-ИТСОшника Сысоева и радиста Иевлева можно было вообще не брать в расчет, те постоянно пропадали в командировках с прапорщиками-специалистами. Но кому, спрашивается, нужна эта охранная система на полу-сгнивших столбах по охране полуразваленных мостов, которые и так, без вражеской диверсии вот-вот попадают в реки? А, может, дело вовсе не в мостах? Вооруженная организованная сила на сотни малонаселенных верст много значит. А военные городки – это, по существу, автономные опорные точки среди безжизненных пространств. Высокая политика на данный момент старшего лейтенанта Трофимова интересовала меньше всего. Личный состав опомнился от неожиданности, и начиналось сопротивление, пока пассивное. Взявшая власть шпана не собиралась вот так запросто расставаться с вольницей. Выкрики из строя, демонстративное нарушение формы одежды.

– Неужели вам нравится то, что творится на заставе?

Сержанты молчали. Старослужащий Мажидов кивал головой, говорил: «Так тошно!» – но глаза светились насмешкой и скукой. Ему до дембеля оставалось четыре месяца. Остальным было все равно. Нет, не всем. Младший сержант Шароев был недоволен, и слова старшего лейтенанта ему были явно не по вкусу. Трофимов остановился.

– Руслан, что-то не так?

– А зачем вам это надо, товарищ старший лейтенант?

– Не понял, ЭТО – это что?

– Ну, уставщина эта, ведь жили же без неё сколько, а тут вы приехали и порядки стали устанавливать!

Сержантский состав оживился, с любопытством вслушиваясь в разговор.

– Ну да, у вас тут под носом солдат убивают, офицеров бьют.

– Какие это офицеры, это чмо, товарищ старший лейтенант, они за погонами прячутся, трусы!

– Да вот не тебе это судить, товарищ младший сержант.

– Ну они же чмыри, посмотрите на них!

– Я бы так не сказал, Руслан. Я давно знаю майора Мамедова, это нормальный человек и достойный офицер. А что он оказался физически слабее хулиганов, так это не говорит о том, что он, как ты выражаешься, чмо!

– А что Салагаева убили, это не доказали?! Не захотели! Товарищ старший лейтенант, здесь никому ничего не надо!

– Мне надо, другим нормальным людям надо, родителям солдат надо, товарищ младший сержант!

– И вы думаете, у вас получится?

– Я думаю, да. Особенно с вашей помощью. Как я понял, на тебя рассчитывать не стоит? Шароев презрительно улыбнулся.

– Понятно. А как ты вообще в учебку младших командиров попал?

– Я не просился. И ваше звание мне не нужно.

– Чё ж ты раньше-то об этом молчал?

– Глупый был.

– А сейчас, выходит, резко поумнел?!

– Выходит.

Трофимов замолчал, внимательно разглядывая наглое лицо. Остальные, не скрывая любопытства, вслушивались в перепалку, и было ясно, что они поддерживают Шароева. Нынешнее положение дел устраивало их более чем. Волчья стая не трогала сбившихся в небольшие группки младших командиров, которые, в свою очередь, не трогали их, игнорируя офицерские распоряжения, чем, несомненно, вызывали симпатии.

– Кто еще думает так, как он?

Сержантский состав молчал. Сочувственно глянул и отвел глаза Соломатин.

– Понятно. На сегодня разговор окончен. Давайте через полчаса на вечернюю поверку строиться. Свободны!

– Я! Я... я, – звучали голоса в вечерней прохладе ночи. Застава стояла на посыпанном гравием плацу. Мерно трещали ртутные фонари. После нескольких напоминаний сержант Сысоев наконец-то вкрутил пару ламп.

– Ыяяаа! – заблажил кто-то дурным голосом, и строй взорвался смехом.

– Стой.

Мажидов замолчал, опустив список заставы. Внутри все затряслось от бешенства.

– Кто сейчас ответил?

– Ну, я, а чо.

– Выйти из строя.

Вместо положенного «Есть!» впереди стоящий солдат получил пинка и вылетел из строя. Он развязно размахивал руками. Это был тот, с коим поутру пришлось повозиться. Отыгаться, знать, решил. Расстегнутый до пупа китель, демонстративно висящий ремень. Трофимов хрустнул пальцами. Застава стояла, затаив дыхание. Втягиваться в перепалку, слушая хамство и теряя лицо, не стоило. Уложить на месте одним ударом? Да в общем-то без проблем, но это же провокация. Приехал тут, про устав талдычит, а сам!? Было хорошо видно, как хищно напряглись остальные хулиганы. Многовато на одного. А если задолбят, тогда что делать? Вскрывать комнату хранения оружия, брать пистолет и валить всех, кто поднял на него руку. Оправдают, не оправдают, какая, нах, после этого разница. Сердце клубком билось в горле.

– Мажидов, проводи вечернюю поверку дальше, а вы, товарищ солдат Темирбеков, если не ошибаюсь, идите за мной.

– А на, уя? Давай здэсь пагаварым.

– Фильтруй базар, солдат! – рявкнул Трофимов. – Шагом марш за мной. Что, слабо? Боишься?!

Хулиган замялся, однако положение обязывало, ведь он такой крутой. И, сплюнув, гордо засунув руки в карманы, пошел следом. Трофимов остановился на крыльце.

– Всем находиться здесь до моего распоряжения! – Трофимов сдерживался до самой комнаты отдыха. В канцелярии все было бы видно через широкие окна. – Стой. – Солдат успел развернуться. Мелькнуло непонимающее лицо, и с утробным рычанием Трофимов схватил наглеца за шею и мотню. Подсед, как под штангу, рывок! И заверещавшее тело, описав дугу, врезалось в соседнюю стену. Вопль захлебнулся. – Встать! Ко мне, солдат! – Загremели сорван-

ные со стен щиты и плакаты. Рядовой Темирбеков, не совсем оправившийся после полета, вскочил, упал, опять вскочил. Резво подбежал. Природная смуглость сменилась бледностью. – Вы все поняли, товарищ солдат?

– Так тошно!

– Застегнитесь, пожалуйста. И шагом марш в строй. Надеюсь, это больше не повторится?

– Никак нет!

Строй сломался. Народ возбужденно гудел и оглядывался на ярко освещенный вход. Трофимов стал на крыльце и, расставив ноги, заложил за спину руки.

– Я же сказал, не расходиться. Вывернулись. – Разговоры смолкли. Все с любопытством смотрели на проشمгнувшего в строй прятавшего глаза Темирбекова.

– Все, Мажидов?

– Так тошно!

Трофимов остановился напротив другого солдата с отпущенным ремнем. – Товарищ солдат, вы знаете что отпущенный ремень отрицательно влияет на потомство?

– Нет, а как?

– Сейчас покажу.

Резко подняв вверх, Трофимов бросил бляху, ударившую его в промежность.

– Что?! – резко подсунулся Трофимов к зашипевшему солдату.

Тот отшатнулся от неожиданности.

– Ничиво.

– Ремень подтяните. Пожа-алуйста, Остальных это тоже касается!

Над подразделением стояла тишина. По крайней мере, откровенного хамства больше не будет.

– Вот видите, товарищ старший лейтенант, нам про уставы рассказываете, а сами?!

Трофимов глазами нашел подловившего его неугомонного смутьяна.

– Шароев, это больше не повторится. Я каюсь, что не сдержался.

– Выбрали, кто послабее.

«Правдолюбец» стал раздражать.

– Я понял тебя, Шароев. Но драться с тобой, а потом еще с кем-нибудь, выясняя, имею ли я право отдавать распоряжения, я больше не буду.

– Почему?

– Есть другой способ привести вас в порядок.

– Какой?

– Выйти из строя.

– Зачем?

– Я тебе все расскажу. Клянусь!

Младший сержант нехотя вышел.

– Ну?

– Застава, смирно! Младшему сержанту Шароеву за систематическое нарушение воинской дисциплины и вызывающее поведение с командным составом объявляю трое суток ареста на гарнизонной гауптвахте в городе Тынды. Вольно! Встать в строй.

– Не посадите.

– Четверо суток. Запросто, Шароев.

– Уже до вас грозились.

– Пять суток, Шароев. Послезавтра поедешь, как должность официально приму. А там тебе еще припаяют недельку. Гарантирую.

Сержант удрученно молчал.

– Давно бы так, – проворчал Трофимов. – Отбой, застава.

5

В полуосвещенной квартире кипела гулянка. Приехавший с полка Гольдман успел освежиться в ванной, переодеться в спортивный костюм и, лениво пуская дым, сидел возле накрытого стола. Здесь же сидели три молодые женщины, зам по боевой подготовке старший лейтенант Такшеев и еще какой-то гражданский тип.

– Ну, как?

– Все, спать положил, походил, посмотрел, вроде все нормально.

Среди женщин узнал Инну. Фельдшерица сидела все так же вызывающе накрашенная, в длинном халате и с сигаретой в длинных тонких пальцах.

– А ты чего на службу не ходишь, волк педальный? – старший лейтенант был молодым, крепким парнем, уже в дымину пьяным, хотя вечер начался не так давно.

– На хрен мне все это надо.

– Ну, деньги же ты за это получаешь?

– Гроши.

– Гроши? Так не бери их или давай мне отдавай за то, что я вместо тебя работаю.

Трофимов не остыл от конфликта и пер, как бульдозер. Такшеев засмеялся, размахивая длинными отросшими кудрями.

– Начальник, давай об этом завтра поговорим? Не хочу сейчас на эту тему, сдалась мне эта служба!

– Ну, и куда ты пойдешь? Сейчас кругом цены растут, как на дрожжах, черт-те что начинается! А здесь ты при деле, уважаемый человек. Оружия под рукой хоть залейся, а? Ты ж толковый мужик, грамотный, мы с тобой тут такое закрутим. Не то что застава, весь поселок по ниточке ходить будет! Ну, кончай свою позорную волынку.

– Не... не... – пьяно кивал кудрями взводный. – Я с тестем, свинарник скототим, свиней разводить будем, мясо, дефицит кругом.

Трофимов рассмеялся.

– Дурак ты. С тестем, если б это все твое было! А так чуть что, и бортанет тебя тестюшка. Ты же не для того учился, чтоб под свинячьим хвостом ковыряться? Ты офицер!

– Не, не, хорошо поёшь начальник, но мне это не надо!

– Ну и дурак.

Трофимов подцепил из лежавшей на столе пачки сигарету, закурил, поглядывая на женщин. Те слушали чересчур внимательно.

– Не обращайтесь внимания, надо же человека от глупости отговорить?

– Что ты все о деле да о службе, – приподнялся Гольдман, ставя на стол пару фаянсовых бутылок, опечатанных красными пробками.

– Ух ты, откуда такое?

– Корейские, это корейцы продают, – гражданский тип с длинными волосами и нагловато выкаченными глазами по-хозяйски прижал Инну.

– Мой муж Володя, – скучным голосом представила его женщина. – А вы?

– Маша! – улыбнулась накрашенным ртом худошавая привлекательная блондинка, тоже не расстававшаяся с сигаретой.

– Очень приятно, – разулыбался Трофимов, соображая, что эта-то уж точно без мужа.

– Галя, – представилась полненькая женщина.

Тоже ничего, но, кажется, это супруга старшины. Ей-то, блин, чего здесь надо? Одно из немногих усвоенных старшим лейтенантом правил гласило: жена сослуживца, увы, не женщина. Гнать её из этого притона надо.

– Твоя? – кивнул Трофимов на квартиру Гольдману.

– Моя.

Квартира обставлена неплохо для холостяка. Диван-кровать, стол-раскладушка, мягко светивший торшер, лакированная тумбочка с переносной черно-белой «Юностью» и со страшно дефицитным видеоплеером. На кухне стоял стол, несколько кухонных шкафчиков, необходимая посуда. Трофимов одобрительно хмыкнул.

Говорили когда-то старшие и более опытные товарищи: «Не женись до капитана, летёха! Ведь капитан – это 28–30 лет, это зрелый и состоявшийся мужчина определившийся в жизни и, как правило, достигший положения начальника заставы или батальонного клерка. Его не станут совать в командировки, как молодого лейтенанта, поэтому большую часть времени он будет проводить с молодой женой, следовательно, семью не будут сотрясать скандалы и ревнивые подозрения. У начальника заставы все под рукой – хозяйство, жена, личный состав».

Женщин на БАМе было удручающе мало, а те, что были, от последней уборщицы до молодой специалистки, попавшей по распределению на стройку века, выскакивали замуж в рекордно короткие сроки. Бабы были нарасхват, и о каком-либо блядстве или любительской проституции приходилось только мечтать. Плохо было, сдержаться не удалось в первом же отпуске. Какое уж тут родство душ и взаимопонимание. Может быть, в этом причина частых разводов офицерских семей.

Водка была пахучей, с примесью каких-то трав. Опыянение наступало незаметно, как мягко тронувшийся вагон. Глядь, а ты уже ту-ту-у-у! Поехал. Гольдман подцепил сигаретную пачку и, включив музыку, кивнул на балкон.

– Пошли, свежим воздухом подышим?

На балконе было прохладно. Освещенная территория заставы проглядывалась просто отлично. Входная дверь с тускло горящим плафоном, полутемные окна казармы, все было тихо. Скрипнула балконная дверь, отсекая гул гулянки.

– Еще добавишь?

– Хватит, обратно в казарму пойду. Утром на подъеме... Получается чего? – Трофимов промолчал, разглядывая чеканный профиль старого начальника. Аккуратные усы подчеркивали мужское обаяние капитана. Умом не обижен, рассудителен. – У тебя почему не срослось?

Гольдман замолчал, разглядывая тлеющий огонек сигареты.

– Здесь никому ничего не надо, понимаешь. Еще столкнешься с этим. Но если хочешь что-нибудь поиметь, держись зам по тылу. Толковый мужик.

– Видак он подогнал?

– Понравился?

– А то!

– Вот и не ссорься с ним, у него здесь везде прихватки, все что угодно достанет.

– Спасибо за гостеприимство. Передавать имущество когда будешь?

– Завтра и начнем. А то оставайся ночевать у меня?

– С утра тяжело вставать будет, да и баб у тебя полно.

– Пустое. Я их всех вытурю. Не вздумай с Градусником связываться или с Машкой.

– С Градусником? – Гольдман хмыкнул и затаился. – Не знаешь? Фельдшерица это наша, редкостная стерва. Если чего понадобится, так прилипнет.

– А муж?

– Что муж? А-а-а, того же поля ягода, в местном стройбате срочную служил. В Молдавию ехать обратно не захотел, вот и женился на первой попавшейся.

– А Машка кто? – Трофимов расстроено затаился. Машка понравилась.

– Жена начальника депо, налево часто виляет. У ней еще старый фингал не прошел, посмотри внимательно под левым глазом. И за котельной приглядывай, а то наш кочегар уже

два раза с балкона в трусах прыгал. Прибьет ведь мужик, отписываться замучаешься, где был да чего делал.

6

Пересчет барахла закончился. Трофимов и Гольдман сидели в прокуренной канцелярии и сверяли дебет с кредитом.

Некомплект отсутствует, нет, опять некомплект. Недостача была внушительная. Н-да, на гражданке это называется растратой и наказывается сроком перевоспитания в местах не столь отдаленных. Старый начальник слегка нервничал, но хранил олимпийское спокойствие. Трофимов подбил итог – приговор тянул года на два. Не будь недостача такой большой, он бы закрыл глаза на некоторые вещи.

– Ген, и чего делать будем?

Капитан набрал номер телефона, о чем-то переговорил и, собрав бумаги, кивнул:

– Пошли к заму по тылу.

В просторном кабинете было светло. Одинокий стол посреди запыленного пола и пара стульев, голым сейф с дружелюбно распахнутыми дверцами. Сразу видно, кабинетом пользовались нечасто. Напротив зама по тылу сидел разбитной майор из тыловой службы. Нога на ногу, без кителя, рубаха слегка расстегнула, фуражка валяется на столе, сразу видно, человек только из-за стола.

– Ну, что там у тебя, показывай давай.

– Вот, – Гольдман робко подал бумаги.

Майор, небрежно разглядывая и усмехаясь, складывал их в стопку на столе. Вопросительно глянул на невозмутимо сидевшего тыловику. Тот улыбнулся.

– Ручку!

Гольдман вложил в небрежно протянутую длань пишущий предмет. Майор с быстротой фокусника исправил «ошибки», подписался, подписал Онищенко, коротко черкнул Гольдман.

– Забирай, старлей!

– А, это, – Трофимов растерянно вертел в руках самый правдивый экземпляр и растерянно хлопал глазами. Уж слишком все быстро произошло.

– Не волнуйся, все, что здесь указано как недостающее, мы спишем в течение года. Ты чего, председателю приёмно-сдаточной комиссии не веришь? – майор угрожающе выпрямился на стуле и раскатисто захохотал. Засмеялся и Онищенко, снисходительно поглядывая на Трофимова.

– А машина, как с машиной быть?

– А чего машина? – майор перестал смеяться и вопросительно посмотрел на Онищенко.

– Я же тебе объяснял, – скуксился тыловик. – У него ГАЗ–66 в мастерской, ремонтируется. У тебя же нет нужных инструментов и частей? Нет! Но если хочешь, можешь забирать!

– И как я его оттуда без мотора вытащу?

– Как хочешь, это твои проблемы! (Словечко было еще новым и неприятно резало слух.)

– Вообще-то это вы её туда загнали! Месяц уже машина там стоит!

– Но машина-то твоя? Вот и забирай её как хочешь.

– Все, хватит! – нетерпеливо заорал майор – Вытащи ему его машину!

– Понял, – буркнул Онищенко.

– Еще вопросы есть?

– Нет, нет.

– Тогда идите, товарищи офицеры, выполняйте свой долг!

– Поздравляю! – Гольдман саркастически улыбнулся и пожал руку. – Желаю успехов!

– И тебе не оплошать!

Глава 3. Процесс пошел

1

Творилось что-то непонятное. Застава была базовой. То есть в отличие от других подразделений, не отягощенных благородным присутствием начальства, на его шее сидел штаб батальона. Между прочим, эта контора могла бы хоть чем-то ему и помочь. Как бы не так.

Трофимов безвылазно торчал в казарме третьи сутки, и, похоже, что, кроме него, всем остальным было глубоко наплевать на подразделение, в котором они служат. Ну, хоть бы одна падла, пришла и поинтересовалась!? От перенапряжения гудела голова, белый свет был не мил. Все обрыдло, и предложи ему кто сейчас звание младший лейтенант и должность взводного в любом занюханном подразделении части, он бы согласился бы прежде, чем тот успел бы закрыть рот. Служить в части – это означает: более-менее нормированный рабочий день, возможность грузить начальство (которого там видимо-невидимо!) возникающими проблемами, и третье – это возможность переваливать окончательное решение на другого. Служба в части давала огромную массу преимуществ и избавляла от главного – от ответственности! Забившись в канцелярию, Трофимов сидел в темноте и дремал. Дверь открылась. Трофимов поднял голову и протер глаза, наводя резкость.

– А, старшина, чего?

Марков сел на край стола.

– Вы вроде хотели на губу кого-то отправлять?

– Шароева позови.

– Уже там.

Трофимов потряс головой, сбрасывая остатки сонной одури.

– Тогда пошли.

– Запасная пара портянок, мыльно-рыльные, смена белья, – под присмотром старшины Фарид доставал и подавал угрюмо молчавшему Шароеву вещи. Старшина отмечал галочками все, что тот клал в вещмешок. Несколько пачек сигарет, котелок – все это Шароеву не понадобится, как только он переступит порог гарнизонной гауптвахты. Командир дивизии сдержал слово, и Трофимов получил «добро» на отправку злостного нарушителя. Впрочем, прояви младший сержант добрую волю и подойди с публичными извинениями, так как хамил он тоже при всех, начальник заставы, скорее всего, отменил бы своё распоряжение. На гарнизонной «губе» умели вкладывать уважение к Уставу и действовали более жестко, чем он. А что мог сделать он? Ну, отлупить, внушив уважение лично к нему, и что? Ничего ж больше не изменится. Как он презирал все мыслимые и немыслимые законы, так и будет их презирать, уповая на грубую физическую силу. Упертый и наглый, Шароев не подозревал, что, кроме физической силы, есть и другая сила, более могущественная и умевшая таких, как он, ломать через колено. Ошибка младшего сержанта состояла в том, что он ставил ни во что подгнившую и расшатанную, но еще достаточно могучую государственную систему, способную растереть в пыль любого, кто бездумно подставится под безжалостные жернова. Теперь ему предстояло убедиться в своих заблуждениях и своим наглядным примером преподать урок остальным заплутавшим во грехах баранам. Застава притихла. И даже сбившиеся в кучу отморозки больше не гоготали вслед.

– Кто поедет, командир?

– Ты.

– Я же на больничном.

– Вот и прогуляешься, заодно помотришь на процесс. Уверяю, это для тебя будет очень полезно. Может, перестанешь бояться этих ублюдков, а?

– Кто их боится-то.

– Оставим эту тему. Выписываю проездные на тебя и на него. Точка. Поезд сегодня вечером.

Старшина не спорил, кидал испытующие взгляды на провинившегося и молчал.

2

В трехкомнатной квартире, занятой под батальонную общагу, куда он забрел в поисках сочувствия, было тихо. Старший лейтенант толкнул дверь. Дверь медленно отошла.

– Есть кто живой?

Полутемный коридор вывел в широкую прихожую. На стене завешенная обмундированием вешалка. На полу старые хромачи, форменные пыточные полуботинки фабрики «Скороход», казарменные солдатские тапочки, бардак, в общем.

– Кто там?

Трофимов раскрыл боковую дверь. В комнате стоял двухцилиндровый «ИЖ». Ярко-красная эмаль с хромированным металлом светилась внутренним светом, блеск наводил озабоченно снующий вокруг машины высокий офицер с ранними залысинами и сумрачным взглядом. Поднялся навстречу.

– Здравóво! Ты кто? Дай догадаюсь, ты новый начальник заставы?

– Точно так. А ты новый замполит батальона капитан Семенов?

– Зачем так официально, без подчиненных можно просто Геннадий. – Семенов протер руки тряпкой, протянул для рукопожатия.

– А кто еще тут есть?

– Есть, начальник штаба капитан Бахарев.

– Где он? – замполит зловеще ухмыльнулся.

– В туалете.

– Ничего, подожду пока выйдет.

– Да ты не стесняйся, зайди, – глубоко сидящие под бровями глаза сверкнули дьявольским блеском.

Неуверенно хмыкнув, Трофимов открыл дверь санузла. В повседневном кителе, затянутом португеей, начальник штаба сидел на унитазе, удобно привалившись спиной к бачку. Съехавшая на лоб фуражка закрывала лицо. Спущенные бриджи вместе с трусами мотались на запыленных сапогах.

– И давно он так?

– Часа два. Он тебе зачем?

Трофимов жалобно заныл:

– Третьи сутки дежурю! Старшина нарушителя на губу повез, зам вообще не просыхает! Думал, может, подменит кто на вечерок, а? – Трофимов просительно вздохнул.

– А-а-а, понятно. Только приехал с другой заставы, не успел поинтересоваться, как тут что. Говорят, дисциплинку подтягиваешь? – Семенов размял сигарету и лукаво усмехнулся. – Сегодня я, так и быть, подежурю. А ты иди в душ помойся да в соседнюю комнату спать ложись, там кровать есть свободная. Да давай-ка это перца из туалета вытащим.

– Товарищ майор, – тронул начальника штаба Трофимов.

– Нннн, иди на ннн, – недовольно зарычал майор.

– Не так, что ты с ним рассоливаешь.

Семенов грубо и бесцеремонно схватил его за шиворот, Трофимов взял за руки. Совместными усилиями брыкающийся майор был извлечен из туалета. Майора затащили в залу и положили на затасканный ковер. Кое-как натянули штаны.

– Ну его, ширинку пусть сам застегивает, когда проснется, – недовольно пропыхтел Семенов.

3

– Дежурный по заставе.

Трофимов проспал ровно сутки, и, проснувшись на следующий день вечером, рысцой побежал на заставу.

– Чем это так воняет, а?

Дневальный не ответил. Отвел в сторону глаза.

– Ни зинаю, товарищ старший литинант.

В коридоре нижнего этажа стоял специфический дым. Трофимов пошел по запаху. В столовой воздух был свежее, значит, источник дыма был где-то здесь. Обе кладовки заперты. Трофимов торкнулся в запертую дверь электротехнической мастерской. За дверью что-то бухнуло и стихло.

– Эй, открывай давай! – Трофимов грохнул кулаком в зашатавшуюся дверь. Раздались шаги, щелкнул запор. В притушенной мастерской были двое, настольная лампа стояла на полу. Пахло табаком и этим самым дымом.

– Чем занимаетесь, почему не отдыхаем?

– Р-работы много, т-товарищ.

Трофимов взял за грудки сержанта, притянул.

– Ну-ка, Сивцов, дыхни?

– Ха!

– Не, не пойдет Сивцов, не в себя а из себя, ну-ка?

Сержант дыхнул.

– Что за дрянь ты сосеешь?

– Ничего, это одеколон у меня был.

Трофимов давно, еще в курсантские годы, узнал, как пахнет «Огуречный» или «Тройной», и провести его на мякине было нелегко.

– Пузырек где?

– В-выкинули.

– Доставай.

Сержант неуверенно копался в мусорном ведре. Включил верхний свет.

– А это что? – в нескольких кружках виднелась черная густая грязь. Грязь была и в небольшой алюминиевой кастрюле. Плитка была еще горячей. Проверяя догадку, начальник шатнул столитровый бидон клея БФ, точно. И запах был тот же. Сержант сжался и обреченно стоял, вытянув руки по швам. Слегка шатало.

– Ну, ты, сволочь, полбака клея выжрать! А ты. – Трофимов обратил внимания на второго сержанта, Егорова. – Ты-то чего здесь забыл?

Егоров стоял в отвисшей голубой майке, синих линиялых трусах и сапогах. В руке дымилась забытая сигарета.

– Окурочек потуши. Он-то, понятно, переработался, а ты в честь чего напился, сволочь?

От такого, казалось, простого вопроса, Егоров сморщился и... заплакал! Трофимов опешил.

– Ты чего завыл?

– У меня... – Егоров плакал, растирая слезы, – жена замуж вышла.

– Клоуны.

Трофимов выглянул в коридор.

– Дежурный, поднимай заставу. Форма раз, строиться на центральном проходе.

Начальник прошелся вдоль строя, проверять здесь было абсолютно некого, все было чисто. Пьяной была вся застава. За исключением разве что Фарида да молоденького узбе-
чонка-дневального. Остановился напротив одного.

– Тебе же вера пить запрещает, а?

Солдат стоял, опустив голову.

– А вы? – вопрос был обращен к узбекам и казахам.

Те тоже смотрели в пол. Ругаться было бессмысленно.

– Отбой, застава.

Сердито бормоча ругательства, Трофимов подошел к машине, надо было еще проверить караул. В открывшуюся дверь вывалился Булочка. Водитель ползал под машиной и бормотал:

– Сейчас поедem, товарищ старший лейтенант, сейчас поедem.

4

– Тормози. – Спидометр отмотал червонец. Водитель послушно притормозил и, переключившись на нейтралку, прижался к обочине накатанной лесной дороги. Начальник спрыгнул на спружинившую обочину. – К машине, войска! – Солдаты посыпались из кузова, строясь вдоль дороги. – Эхе-хе, а воздух-то какой, а? – радостно провозгласил Трофимов потягиваясь после душной кабины. – Ну, и везет же вам! По такой красоте побежите, пока я в этой кабине трястись буду. – Ему никто не ответил. Лица воинов были сумрачны и радости по поводу предстоящего забега не выражали. Трофимов не стал раздувать скандал, зарядка и все мероприятия до обеда прошли как обычно. Ну, а после обеда.

– Сержанты, в голову! Соломатин, Сивцов, Аскеровы, не стесняйтесь! Занимаем почетные места! Поварешка, здесь? Бежим в колонну по три, не растягиваться. На шаг не переходить. Если за час не успеете, завтра эксперимент повторяем до полного нашего удовлетворения. И жрать хрен получите! Потому что ваш повар-алкаш из-за врожденной лени не успеет ничего приготовить. Лапы сосать будете, ну, чё, алкаши, готовы? Бего-ом, арш!

Подразделение тяжело сорвалось с места.

– Товарищ старший лейтенант, а мы где, спереди или сзади поедem? – угодливо заюлил Булочка, заводя мотор. Трофимов удивленно остановился:

– О! А я про тебя совсем забыл. – Распахнул дверь. – А ну, догоняй своих, алкаш!

Машина, не спеша, катила сзади. Время от времени Трофимов библикал, когда появлялись хвосты. Колонна замедляла ход, дожидаясь отстающих. Застава бежала хорошо, взяв ровный темп. Не зря, не зря каждый день с ними на утренней зарядке бегал. Бойцы втянулись, не отставали даже худосочные. И ведь не бросают никого, а? Молодцы, хоть и алкаши. Уложились. Трофимов заглушил машину.

– Сержантский состав, ко мне.

Люди стояли распаренные, красные, как из бани.

– Как пробежка?

– Ничего, нормально.

– Значит, еще хотите?

Все замолчали.

– Имейте в виду, как только выпить захочется, так сразу на десяточку, самостоятельно.

Кто-то фыркнул.

Старшина приехал веселый. Оживленно курил и рассказывал, как он сдавал на гуптвахту сержанта. – Сигареты у него сразу порвали, а когда тот попытался кинуться на конвойного,

ему так прикладом приложили! Сказали, редкий экземпляр. Недельки чтоб через две за ним приезжали, обломают, лучшим солдатом будет! – Государственная машина сделала оборот. На заставе стояла зловещая тишина. Дисциплина крепчала, как мороз, медленно, но верно.

5

Стройка возле котельной затевалась нешуточная. Старшина, раздевшись до пояса, вместе с братом и несколькими бойцами ворочали брус, мешали бетон, лили мощный фундамент.

– Ты чего тут собираешься, оборонительный форт строить? – Марков засмеялся и, воткнув топор, достал сигареты. Присели и бойцы.

– Гараж хочу строить, под мотоцикл, а то ставить некуда.

– Мотоцикл? – Трофимов поглядел на залитый фундамент шесть на шесть. – Ладно врать, старшина, скажи лучше, продсклад сюда хочешь перенести?

Все засмеялись.

– Не, правда, гараж, потом, глядишь, и машину куплю.

Что купит, Трофимов не сомневался.

– Еще вопрос, старшина, нужны стройматериалы, а ты человек местный, так что советуй. Марков ненадолго задумался.

– Ну, чего посоветовать, на нефтебазе был?

– Нет. А это что?

– Съезди, посмотри.

Трофимов поднялся. День был светлый и сухой, машина была на ходу. Чего, собственно, откладывать? Машина тряслась по ухабистой дороге. Деревенские дома закончились, потянулись корейские фанзы, мастерские, цеха переработки древесины. В поселке было два корейских поселения.

– А это что за столбики? – Сразу за корейским жильем тянулся большой пустырь, густо заросший полынью и кустарником. – Булочка, это что?

Солдат мельком глянул.

– Это вроде кладбище говорят, японское.

– Тормози.

Трофимов не спеша, глядя под ноги, шел по заросшему полю, стараясь не наступать на полусгнившие столбики с заплывшими иероглифами или номерами. Сколько народу здесь лежит! Серая, печальная земля, на которой уже полвека ничего не растет, кроме редкой полыни. После разгрома Японии на месте заставы был большой лагерь военнопленных. До сих пор в поселок приезжали родственники умерших и те, кто выжил и вернулся на родину после окончания войны. Лечившие их русские медсестры и японцы плакали, вспоминая прошлое. Теперь понятно, почему застава была несчастливая. Нельзя на месте концлагеря что-либо строить. В таких местах нужно все сносить и сжигать, а потом перепахивать, густо засыпая солью. И не трогать сотню лет. Только тогда, наверное, исчезнет впитанная землей отрицательная энергия.

Прежде чем сесть в машину, старший лейтенант долго и тщательно стряхивал могильный прах с сапог. Немного помолчал.

– Ну, чего сидишь, поехали на эту нефтебазу!

Сооружения впечатляли. Суперсовременная газовая котельная была практически отстроена. Запакованное в ящики оборудование стояло рядом. Но ящики были разбиты, а куски раскуроченной автоматики густо усыпали землю. Да и котельную хорошо разбомбили. Боксы, административные здания, линии ЛЭП, отдельная многокилометровая железнодорожная ветка с железнодорожной станции тянулась сюда, разбиваясь на десяток маневровых путей. С выбитыми глазами стояли семафоры. На обслуживании этого хранилища могло работать

треть поселка. Запустение, тишина, густая лесная поросль уже пошла в атаку. На бетонных шпалах ржавели рельсы и меж ними поднимались пока еще робкие, первые березки. Но всех больше поражали нефтехранилища. Местами недостроенные, залитые бетоном с торчащими листами внутренней обшивки, они впечатляли. Какие они были огромные. Грузовик заехал внутрь и развернулся, съехав в том же месте! Любому дураку было понятно, что здесь зарыли в землю или выбросили на ветер сотни миллионов полновесных рублей. Это было, было... Трофимов испугался собственных мыслей.

– И давно это забросили, Булочка?

– В прошлом году, вон там желдорбековский городок стоит.

Таких брошенных городков по БАМу было много, по всей восточной ветке, которую строили железнодорожные части, мало чем отличающиеся от строительных батальонов. Сборно-щитовые казармы, штаб, вагончики для офицеров, паровой котельный модуль, пилюрамы. Минимум затрат. В этом городке стоял бетонно-растворный узел из утепленного металлопласта. Все было рабочее, включай и получай бетон. Поднятые по тревоге батальоны брали самое необходимое и грузились в вагоны. Их ждал разрушенный землетрясением Степанакерт, другие стройки на благо братским народам.

В оставленных городках еще долго горели оставленные лампочки, и разгулявшийся ветер хлопал распахнутыми дверями. Оставленные продукты подьедало брошенное зверье или таежные гости. Западную же ветку строили вольняшки и комсомольские ударные бригады. Но поселков, от которых на картах остались одни названия, хватало и там. Местная милиция отлавливала на дорогах пытавшихся вывезти разобранные щиты. Кража госсобственности! Нарушителей штрафовали и отбирали имущество. Меж тем, на уничтожение таких городков выделялись десятки тысяч рублей! Здесь подобными глупостями не занимались. Все просто бросали, как бросили эту гигантскую стройку, словно ненужный мосол, стратегический элемент выживания и освоения богатейшего края. Старший лейтенант ходил как убитый страшным зрелищем. Не радовали халявные кирпичи и стеклоблоки, выданные для ремонта казармы и бани, не вдохновляли и дверные блоки с дверями, на брошенной стройке было чем поживиться. Но это не радовало, не радовало все это.

Глава 4. Старатели

1

Сооружение вышло что надо, большое и теплое, и часть барахла старшина перетащил к себе. За заставой, охраняющей мост, кроме всего прочего, числились две надувные десантные лодки и два лодочных мотора. На полу стояла поллитра и скромная закуска. Досрочно отмечалось удачное строительство сооружения. Трофимов захмелел, захмелел и старшина.

– А он что не пьёт? – спросил Трофимов, кивнув на его брата Витьку, с удивительным равнодушием взиравшего на попойку.

– Закодировался он.

– Чего?

– Установку он мне такую, экстрасенс, дал, тягу к спиртному снял.

– Ух ты, и ты не хошь?

– Витька отрицательно покачал головой и спокойно посмотрел на пьющих.

– Совсем не хошь?

– Ни капли.

Трофимов разлил по стаканам остаток.

– Ну, тогда без тебя все дело оформим. Все, старшина, допиваем и больше ни-ни! – заняв выпивку, Трофимов пристально посмотрел на лодочные тюки. – Сколько еще до списания?

– Долго еще, командир. Не волнуйся, у нас их две.

– Правда? – Трофимов присел около надувной десантной лодки на отделение. Все честь по чести, полник, весла, «лягушка» для подкачки. В наличии были даже спасательные круги. На гражданке такого днем с огнем не сыскать. – Хрен полковые инженеры сразу две спишут, на одну точняк лапу наложат, а то и обе захапают.

– Захапают, в этом случае от них рваньё останется, сплошное причем, – недобро засмеялся старшина, и Трофимов удивленно вскинул глаза. Не такой уж у него и рохля старшина, как показалось вначале. – А моторы у нас как, работают?

– «Вихрь» не очень, а «Ветерок» нормально идет, только слабенький.

– Ничего, – Трофимов увлеченно заходил возле снаряжения. – Так, Сергей, давай-ка мы это дело попробуем.

– Как попробуем?

– А вот так, возьму пару бойцов, жратвы нам на день и сгоняем вверх по реке!

– А почему вверх? Там километров через тридцать вообще пройти нельзя, мелеет и перекаты начинаются.

– Дальше и не надо. «Ветерок» слабенький, сам же говорил? Если вниз идти, то не вытянет обратно лодку моторчик. К тому ж, случись чего, на веслах можно сплавиться.

– Ну да, а ты на моторе ходить умеешь?

– Честно говоря, нет. Но научусь. – Старшина с сомнением поглядел, закурил, разглядывая лодку, как будто прощался с ней навек. Вот когда старший лейтенант в полной мере оценил своё положение! Ни у кого не надо спрашивать разрешение. – Я, так сказал. Я приказываю! И точка.

2

– В общем, так. Вот так заводится, подача бензина, газ.

– Ты за кого меня принимаешь? Я что, на мотоцикле ни разу не ездил? Толкай давай. – Лодка отошла от берега, медленно разворачиваясь на темной воде. Несло к мосту, к журчащим бурунам у заостренных опор, вздымавшихся из темной глубины. Ух, какой жуткий снизу вид! Мотор наконец схватил, затарахтел затормозив скольжение. – Товарищ старший лейтенант, вон там течение послабже! – углядел курс, привстав на носу рядовой Сухов. Третий член разведывательного экипажа был примерно такой же малорослой и худенькой комплекции, мотор был слаб. – Трофимов дал газ. Вода за кормой забурилась. Тяжеловато. Лодка двигалась, не спеша, набирая скорость только возле берегов по спокойной воде. Тело обдувал легкий ветерок, сносивший гнус обратно к кустам. Природа была живописна! Жара, солнце, свет! Изумрудная зелень прибрежных кустов, прогретая горячим солнцем мелкая теплая вода, блестящая расплавленным серебром. Кое-где белел песочек, виднелось дно с тянущимися жгутами водорослей. Бойцы развалились на горячей резине бортов, вглядывались по сторонам и в глубь, сторожа затаившийся топляк и время от времени оплескивались. Лодка уверенно резала водную гладь, приближаясь к поднимающимся сопкам. Берега становились все круче, суровее. Прибывшие течением, на плесах громоздились завалы подмытых паводком деревьев. Русло сужалось. – Карага, товарищ старший лейтенант! – выкрикнул наблюдающий по правому борту рядовой Тауров. – Трофимов вывернул на фарватер. – Тауров, скажи, коря-га!

– Карга!

– Тыфу, бестолочь нерусская... – На течении ход лодки замедлился. Сколько они прошли? Солнце стояло высоко, полдень. Километров 20–25, но это если по реке. Напрямую намного меньше, 10–12. Километров через 30, по уверениям старшины, река обмелеет и станет совсем непроходимой из-за завалов и перекастов. Уже сейчас по сторонам, закрывая светило, выросли громадные лесистые сопки, река запетляла, и, дав кругалю, они очутились на другой стороне все той же сопки. Вот это да, река сточила слой земли с подошвы горы, обнажив каменный клык. Клык был хорош, блестящий в солнечном свете, серый и острый, с двухэтажный дом, он стоял у подмытого крутояра с пенящейся вокруг черной водой и напоминал несчастный случай, на который в спешке непременно напорешься. Трофимов вздохнул – какая красота, какая мощь вокруг! Жаль, не было фотоаппарата. Однако возникшее препятствие требовало разрешения. Трофимов газовал, удерживая танцующую лодку на месте. Будь мотор посильнее, они бы с торжествующим воплем впритирку обошли бы клык по глубокой воде, но так как моторчик у них был так себе, вдобавок сильно перегрелся и холостил, требовалась ручная работа. Его работа.

– Бойцы! – старший лейтенант с сомнением оглядел вверенных ему худосочных пацанов. Вес бараний, силы – только автомат с ложкой удержать.

– Сухов, на нос с шестом, Тауров, на корму, взять весло! Если не удержу, не паникуй и правь к берегу за мной!

Трофимов заглушил мотор и, не раздеваясь, прыгнул за борт. По пояс. А холодна, водичка-то. Под ногами зашуршала галька, и, если бы не сапоги, его бы вместе с лодкой потащило бы вниз, как тащило его несколько лет назад, вздумавшего перейти вброд неширокую, но быструю речку, с прозрачным и каменистым дном. Беспощадная ледяная вода, резкая боль от холода и камней в непривычных ногах и головокружительный, сводящий с ума стремительный бег воды! Он был один, лейтенант вздумал прогуляться по окрестностям, как по городу. Проклиная самонадеянность, к берегу пришлось пробиваться полуприсядом и на четвереньках, дрожа от холода, отфыркиваясь от пены, мертвой хваткой вцепляясь в валуны на дне и не сводя глаз с неподвижных стволов деревьев. Не удержись он тогда в стремине, его проволокло бы до ближайшего порога или любого валуна горбом, торчащим посреди ледяной воды, пару бы раз приложило маковкой или грудью, перевернуло, чтоб хлебнул холоднющей воды и прощай... дикая природа коварна и жестока. В сотне метров от людей пропал без вести. Потом, дрожа от холода и пережитого животного ужаса смерти, он бродил по берегу и подбирал вынесен-

ные водой вещички. Журча ледяным смехом, вода отдала все. Он даже не возмущался своим слабоумием. Минуло. С тех пор он узнал и научился кое-чему побольше. Воды было уже по колено, и Трофимов брел по мелководью, всем телом наваливаясь на гудящую веревку. Норовисто дергаясь, облегченная лодка, рассекая воду, обходила опасное место.

– Товарищ старший лейтенант, мужик!

– Где? – Трофимов остановился, почти преодолев опасное место. – Вон. Нет уже, – рядовой Сухов держал шест в одной руке, другой показывал наверх крутояра с торчащим внизу страшным клыком. Край подточенного водой обрыва зарос кустами и деревьями, из среза земли торчали палки и обвисшие длинные корни, змеями спускавшиеся вниз. Никого там не было, только качнулись потревоженные ветки. Трофимов дотянул лодку, вытащил нос и сел. Надо было выжаться и слить воду из сапог. – Тауров, а ты видел?

– Нетъ, я другой сторона смотрель.

– Правильно, Таурчик, каждый за своим сектором наблюдает. Возьми бинокль и смотри по сторонам, пока мы перекурим. Он с оружием был, Сухов? Чего он нас долго так разглядывал?

Солдат помялся.

– Не знаю, не заметил, точно, товарищ старший лейтенант, вроде было у него ружьё. Заросший, как леший, я почему и испугался.

– Охотник, наверное, местный, или браконьер, их тут, как собак, от поселка не очень далеко. Странно только, кури, Сухов... – отжавшись, Трофимов достал пачку дорогих и душистых импортных сигарет, недавно появившихся в урсовской лавочке. Это есть можно что угодно, а табачок должен быть лучшим... – что он не заговорил и скрылся. Это не есть хорошо. Ладно, еще немного вверх поднимемся, посмотрим, как что, и обратно поплывем. Жрать сильно хотите? – Трофимов усмехнулся своему идиотскому вопросу. Нормальный солдат всегда в полуголодном состоянии. За что все женщины так и обожают их.

Остывший мотор затарахтел, нарушая девственную тишину. Река сильно сузилась и обмелела. Выглядев широкое устье впадавшего в реку ручья, Трофимов повернул мотор. Перед обратной дорогой нужно было подкрепиться и малость отдохнуть.

– Пристаём, – старший лейтенант сбросил газ. – Сухов, плавать умеешь?

– Не очень!

– Фигня, пешком по дну дойдешь, прыгай в воду!

Тучи брызг!

– О-о... а-а-а... – облегченно завывал солдатик, смывая гнус, пот и размазанную по рылу кровь. Выбравшись на берег, рядовой вытянул нос лодки. Захлестнул для верности носовой конец вокруг дерева. Трофимов встал. Сзади тяжело хлопала кобура. Экспедиция была одета в старинные, годов пятидесятих, маскировочные костюмы из широких просторных штанов и такой же рубахи с капюшоном. Что еще там было удобно, антикомариная сеточка-вуаль. Достав тубик с мазью, бросил на носовую банку. – Сначала помыться, смыть пот и грязь, иначе не поможет. – Берег покрывал густой слой хвои, высокие и стройные сосны тянулись вверх, пропуская вниз столбы света. Просторно и светло, дальше от воды гнуса было значительно меньше. Такой лес называется бором. Как говорят, в бору веселиться, в березовом жениться, а в осиновом давиться. Ручей был какой-то мутноватый, с прохладной лесной водой. Аккуратно сняв влажные шаровары и завернув в них пистолет, Трофимов окунулся в ласковые, журчащие струи. Ах, как хорошо, и никакой тебе нервотрепки. Рядовой Тауров воду недолюбливал и, наскоро сполоснувшись, растопил небольшой костерок, пристроив в огонь вскрытые банки с кашей. Пахло изумительно! Ложки гремели, вычищая банки с поджарившейся кашей. Пройдясь напоследок ржаной корочкой, Трофимов бросил банку в костер, туда же положил две солдатские. – Пусть обгорят, потом закопаем на месте костра. Окурки не разбрасывать.

– Хлеб да соль!

От такого, казалось бы, крайне простого и доброжелательного пожелания все дернулись, как от электротока. Трофимов судорожно дергал ремешок экстрактора, но пистолет, как на грех, в отсыревшей кобуре заклинило. От кустов отделился коренастый мужик в застиранных и подпаленных, явно шитых на заказ широких брезентовых штанах, заправленных с напуском в разношенные кирзачи. Китель хэбэшка с содранными погонами и петлицами и опущенная стволами вниз двустволка вертикалка дополняли изысканный наряд. Да, еще из-за голенища торчала рукоять ножа! Из-под темного платка, по пиратскому повязанного сзади, выпирали густые лохмы волос. И бородища по-старинному разделена надвое, как у староверов, которых Трофимов видел раньше. Из-под кустистых бровей блестят откровенной насмешкой глаза. Поймал, поймал он их.

– Спасибо... – скривившись от пережитого, как можно доброжелательнее отозвался Трофимов. Нутром понял, с таким дяденькой лучше не ссориться и вести себя как можно вежливее. Незнакомец по-хозяйски присел к костерку.

– Андрюха!

Трофимов пожал твердую, как приклад автомата, лапу.

– Анатолий.

– Толян, стал быть?

– Угу. А это мои чижики. Таурчик и Димка.

Солдаты осторожно поздоровались с дядьком.

– Угости, служивый, табачком-то, запах вон как издалека идет. Ух ты, не наши?

– Канадские.

– Дорогие, небось? – Андрюха в три затяжки прикончил сигаретку и с любопытством расковырял фильтр. – Ба, это уголь, что ль?

Трофимов выложил еще сигарету. Гость не отказался. Курил уже не спеша, сразу оторвав для крепости фильтр. Смаковал.

– Андрюх, это ты, что ли, с обрыва нас пас?

– Угу, думал, корей притащилась.

– А если бы корейцы?

Андрей усмехнулся и прищурился.

– Ну и что? Как пришли, так и ушли бы.

Насчет «ушли» Трофимов сильно сомневался, но выпрашивать все в точности не стал. Это был как раз тот случай, когда чем меньше знаешь, тем спокойнее живется.

– А чего тебе так корейцы не нравятся?

Андрюха от вопроса поморщился, но нехотя ответил:

– Блудят слишком. А ты-то сам, краснопогонник иль кирка с лопатой?

Ох, не раз старший лейтенант Трофимов слышал подобный вопрос звучавший с различными оттенками.

– Мост охраняем.

Андрюха кивнул головой, разглядывая его без прежней ухмылки.

– Не соврал, начальник.

– А ты-то откуда знаешь?

– Пистолетик вон у тебя, да мелкашка в лодке валяется. У стройбатовцев нет оружия.

Трофимов вытащил пачку. Страх остаться без вредной привычки в таком месте! Вытащив себе сигарету, Трофимов отдал всю пачку:

– Мы сейчас все одно назад, бери.

Гость не ломался, деловито спрятал пачку в карман.

– Сухов, есть курево?

Солдат, заложив по «примине» за ухо, тоже отдал оставшееся.

– Спасибо мужики, выручили. – Андрюха ненадолго задумался и вдруг предложил: – Айда к нам в гости?

– Не, мы сейчас поваляемся да назад пойдем.

– Пошли, чайку попьете да поглядите! Тут и ходить не надо, сели в лодку да проплыли еще немного.

Любопытство взяло верх.

– Уговорил, грузимся, братва!

Стоянка золотоискателей была всего-то рядом. 150–200 метров – и перед ними возник самый настоящий прииск с полуземлянкой и длинным дощатым лотком, обтянутым грубым брезентом или еще чем. Тут же валялось сито с мелкой металлической сеточкой, еще что-то. Ручей замелел от промытой породы, осевшей на дне и берегах. Тут же, приткнувшись боком к берегу, стояла длинная и узкая черная просмоленная лодка. Подальше от берега, на бревне, сидели два таких же дико заросших мужика и наблюдали за подплывающей резиновой лодкой. Шли на шестах, бензина было мало.

– Принимайте гостей, с подарками! – издали крикнул Андрюха.

Чай был крепкий, густой, с какими-то травами и оглушающе вкусный. Мужики с усмешками глядели на тощих солдат, спрашивали, кто откуда, и беззлобно посмеивались над Трофимовым, так как он многого еще не знал и в тайге был почти беспомощен.

– А ты золотишко видал хоть раз? – присунулся Семен, мужик, наверное, его лет, но густо заросший и делавшийся от звероватого вида более старшим. Второй, Пашка, одобрительно кивнул и затянулся затрепавшей приминкой.

– Видел, в магазинах продают.

Мужики рассмеялись и переглянулись. Похоже, они понимали друг друга без слов. Закряхтев, Андрюха поднялся с бревна и нырнул в маленькую дверь избушки.

– Во, гляди! – узкий кожаный мешочек был тяжел как свинчатка.

Развязав завязки, Трофимов подставил ладонь. Высыпал. Песок. Песок был удивительно тяжел, как свинец! Ну, ни за что бы не подумал, что вот это золото! Крупинки были грязно-желтоватые, тусклые, без того завораживающего магазинного блеска в сверкающих огнями витринах. – Ну его нафиг! – Трофимов высыпал шершавый песок обратно и, завязав веревочки, подал обратно. Мужики ухмылялись в густые бороды.

– Не ёкает? – подсунулся кудлатый, как леший, Пашка, настырно заглядывая в лицо.

– Нет, а что?

– Ничего, так... – мужики переглянулись и густо задымили.

– Вообще-то, если по-честному, то ёкнуло. – Трофимов тяжело вздохнул и кивнул встрепенувшимся золотоискателям. – Когда Андрюха с ружьем наперевес из кустов вывалился, так я чуть в штаны не наложил.

Чай закончился, пора было закругляться.

– Что тебе еще показать?

– Ничего, домой пора, мужики, вниз побежим.

– Спасибо что зашли, выручили. Да вот-ка еще что, – бойцы уже уселись в лодку и ждали только его. Одиравший Пашка, душа артели, бич, в переводе на обычный человеческий – бывший интеллигентный человек, причем, судя по оборотам речи и фактам, которыми он с легкостью оперировал, был из больших «бывших», придержал его за руку: – Постой, что сказать хочу на память. Посмотрел я, как ты с солдатами обращаешься.

– Как? Как обычно.

– Не-ет, ты людей в них видишь, потому тебе этого не простят.

– Что не простят, Паш?

– То, что ты людей в них видишь, – терпеливо, как несмышленишу, повторил Пашка. – Съедят тебя, поэтому, пока молод, ищи другое место в жизни.

Трофимов отрицательно покачал головой.

– Нет, не поэтому. Служить бы рад, прислуживаться тошно!

– Может быть. – Пашка все понял и дружески подтолкнул: – У тебя все впереди. Счастливой дороги, командир!

Глава 5. Рэкет

1

– Стой, стой, кому говорю! – водитель-кореец не тормозил и разводил руками в кабине.

– Моя твоя не понимай! – выхватив у солдата автомат, Трофимов дал короткую очередь вверх и направил дымящийся ствол в лобовое стекло. Машина встала. Качнул стволом, приказывая выйти. Дальневосточный перец проворно высыпался, гневно потрясая кулачками и отрывисто ругаясь.

– Заглохни, заглохни, я сказал! – злобно заорал старлей. В хвост груженому лесовозу приткнулся еще один, еще. Длинная колонна недовольно гудела клаксонами. Сбившись в стаю, корейцы кричали и бросали камни в сторону стоявших солдат. Оружия они не боялись. На той стороне прохода было потише, там стояли пустые лесовозы. Гвалт продолжался час, потом шум стал стихать. Движение корейских лесозаготовителей было остановлено. Трофимов ждал их начальство у предусмотрительно распахнутых ворот. Не спешило корейское начальство. Наконец подъехал грузовик, и из распахнувшейся дверцы вылез товарищ. Товарищ был одет в серенький затрапезный костюмчик, застиранную рубашку и мятую шляпу. Мелкий партийный клерк с совмещением должности какого-нибудь учетчика. Об этом говорил и значок Ким-Ир-Сена, обрамленный небольшой вязью. У рядовых был обычный овальный портрет. Начальство покрупнее носило портрет, обрамленный в красное знамя. Еще они были серебряные и позолоченные. В общем, по нагрудному значку было легко понять, с кем ты имеешь дело. – Я насальника, ты посему задерсиваес наси масины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.